

УДК 903.5

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОНЦА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА НА ЗАПАДЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Кропотов В. В.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: v-kropotov@bk.ru*

В работе публикуются результаты исследования двух античных погребальных комплексов, открытых в 2018 г. при изучении кургана 3 группы «Чистополье-Северное» вблизи с. Чистополье Ленинского района Республики Крым. Объекты представляют собой индивидуальные захоронения ребенка и взрослого, совершенные одно – в простой подпрямоугольной в плане могиле, другое – в могильном сооружении подбойного типа. В числе сопутствовавшего им инвентаря находились сходные наборы боспорской столовой посуды позднеэллинистического времени, предполагающие близкое хронологическое положение обоих погребений. Эти предметы, наряду с найденной в одной из могил железной фибулой, позволяют датировать комплексы концом I в. до н.э. – началом I в. н.э. Представленный материал, таким образом, демонстрирует сохранение эллинистических традиций в материальной культуре Боспора, как минимум, до рубежа нашей эры и, одновременно, дает основу для разработки хронологии боспорских древностей конца эллинистического периода.

Ключевые слова: Восточный Крым, Европейский Боспор, погребальные памятники, хронология, античная керамика, фибула, поздний эллинизм.

Одной из наиболее важных проблем в истории и археологии Боспорского царства является проблема сущности и времени перехода от эллинистического периода к римскому. Дискуссия по этому вопросу обусловлена не только расхождениями во взглядах между сторонниками «исторической» и «археологической» периодизаций (см., например: [12, с. 395; 18, с. 278; 19, с. 11]), но и сложностями в датировке конкретных археологических памятников, базирующейся на определении времени выхода из употребления вещей традиционных эллинистических форм и распространения провинциально-римских изделий.

В керамическом комплексе своеобразие позднеэллинистическому периоду придают такие группы столовой посуды, как Боспорская сгиллата (*Bosporus Sigillata*) и Понтийская сероглиняная посуда (*Pontic Grey Ware*). Для образцов первой группы характерны глина красно-коричневого цвета с большим количеством известковых включений и коричневый или коричневатокрасный лак, нередко покрывающий лишь верхнюю часть сосуда; изделия второй группы – сероглиняные без обмазки или покрытые жидким черным лаком. Среди форм и тех, и других доминируют тарелки, миски и чашки, несколько реже встречаются канфары, пелики и кубки [7, с. 89–91; 8, с. 240–243; 23, р. 95–97]. Обе указанные группы керамики были выделены К. Домжалским и Д.В. Журавлевым относительно недавно – в конце 1990-х – начале 2000-х гг. – и пока подробно не изучены. Авторы приводят

только их общее описание, подчеркивая, что детальной разработке типологии и хронологии этих изделий препятствует недостаточное количество закрытых комплексов с ними и отсутствие надежных хронологических индикаторов. В этой связи, публикация новых хорошо датированных памятников с подобной посудой представляется весьма актуальной.

В данной работе речь пойдет о двух погребальных комплексах, открытых при изучении грунтового некрополя античного времени, расположенного в 2,2 км к север-северо-западу от с. Чистополье Ленинского района Республики Крым. Памятник был выявлен экспедицией Таврического археологического общества при содействии Института археологии Крыма РАН под руководством С. Г. Колтухова в ходе исследования курганный группы «Чистополье-Северное» в 2018 г. Некрополь примыкал с юго-востока к кургану 3 этой группы, сооруженному в эпоху бронзы, частично перекрывая его южную полу. Вскрыта лишь часть могильника – 30 погребений, входивших в охранную зону кургана. Сопутствующий открытым захоронениям инвентарь позволил разделить их на две разновременные группы: комплексы скифского времени и могилы конца эллинистического периода. Последние численно преобладали и содержали наиболее яркий и выразительный материал, среди которого особое место занимает набор керамической посуды, состоящий в основном из образцов гончарных сероглиняных и краснолаковых изделий [10, с. 153–154; 14, с. 327–329].

Публикуемые ниже комплексы – погребения 2 и 7,¹ содержали сходные наборы посуды, включавшие выразительные образцы Понтийской сероглиняной керамики и Боспорской сикиллаты, позволяющие синхронизировать эти погребения между собой, а наличие в одном из них надежного хронологического индикатора – металлической застежки-фибулы, предоставляет возможности для определения их точной датировки.

Ниже приводится описание комплексов.

Погребение 2 располагалось непосредственно в центре кургана 3 (в 0,5 м к югу от R₀), на некотором удалении от остальных захоронений некрополя. Погребальное сооружение представляло собой простую подпрямоугольную в плане могилу, ориентированную по оси запад – восток с незначительным отклонением к северо-западу. Восточный и западный ее края повреждены траншеями, пробитыми при исследовании кургана. Реконструируемые размеры сооружения – 1,4×0,4 м, горизонтальное дно располагалось на глубине 0,42 м от R₀ (**рис. 1**).

В могиле находилось нарушенное в древности детское погребение (вероятный возраст усопшего 8–10 лет²), большая часть костей которого отсутствовала. Сохранившиеся останки – череп и отдельные кости посткраниального скелета – были смешаны и сдвинуты к восточному краю могилы. В комплексе обнаружены: за черепом покойного – гончарные сероглиняные чаша и кубок, фрагменты

¹ Автор выражает признательность С. Г. Колтухову за возможность опубликовать материал.

² Антропологические определения проведены старшим научным сотрудником Института археологии Крыма РАН А. В. Ивановым.

краснолакового кувшина (рис. 1,3,4,6), под черепом – кремневый отщеп, две стеклянные и гагатовая бусины (рис. 1,2), ближе к центру могилы – железный нож (рис. 1,5), в центре могилы и у ее восточного края, под чашей – обломки железной фибулы (рис.1,1).

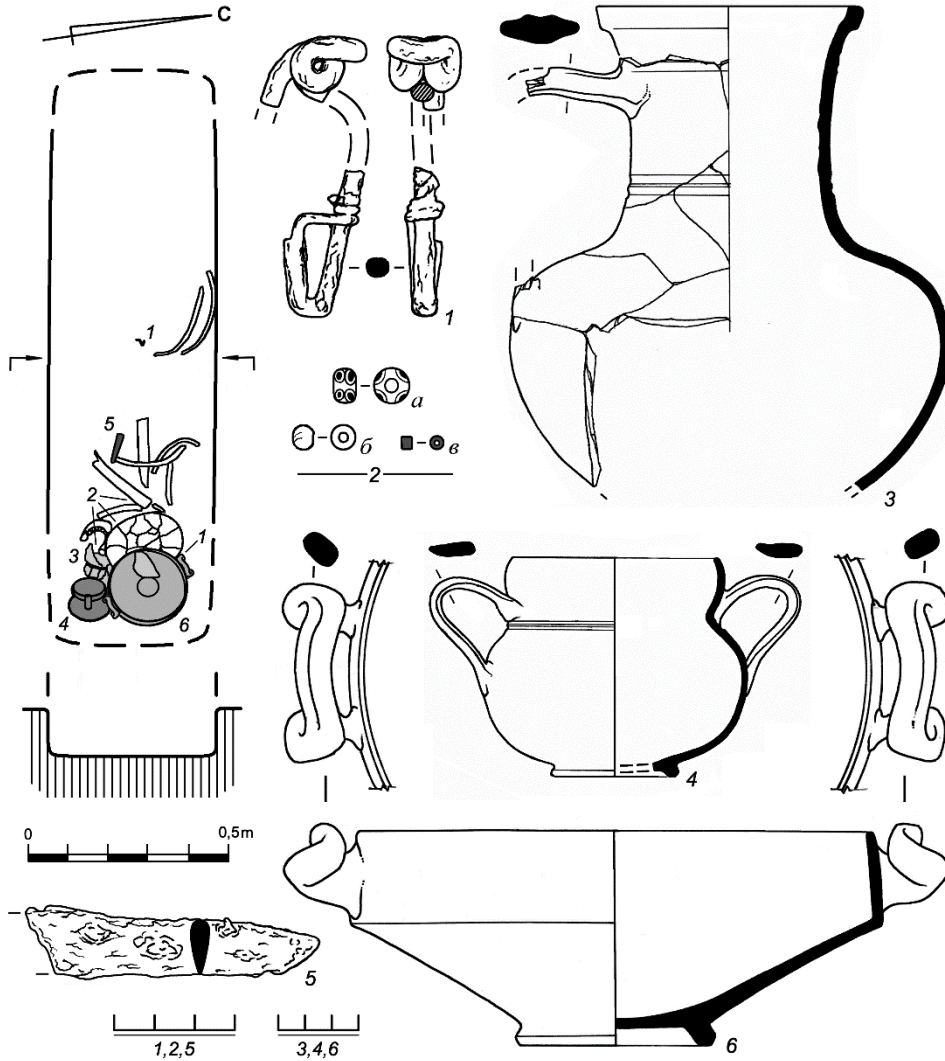

Рис.1. План и инвентарь погребения 2. 1 – железная фибула, 2 – стек-лянные (а, б) и гагатовые (в) бусы, 3 – краснолаковый кувшин, 4 – серогли-няный кубок, 5 – железный нож, 6 – сероглиняная чаша.

Погребение 7 выявлено в 18 м к юг-юго-востоку от вершины кургана (R₀) и также было ориентировано по оси запад – восток. В качестве погребального сооружения использована подбойная могила с широкой прямоугольной в плане входной ямой размером 1,95×0,85 м, глубиной 1,85 м от R₀ (0,65 м от уровня материка). Узкая погребальная камера размером 1,85×0,5 м, высотой до 0,7 м устроена в северной стенке входной ямы. Ее пол углублен относительно дна ямы на 0,25 м, переход между ними оформлен в виде ступени. Каких-либо следов заклада камеры не обнаружено.

Покойный (мужчина старше 50 лет) располагался на полу камеры вытянуто на спине головой на восток, руки скрыты под тазовыми костями. При погребении найдены: у западной стенки камеры – гончарный красноглиняный кувшин (рис. 3,1), близ правой голени – гончарные сероглиняная чаша и кубок, полностью идентичные сосудам из погребения 2 (рис. 3,2,4), рядом с ними – железный нож (рис. 3,3), в районе грудной клетки – фрагменты железного стержня (иглы?) (рис. 3,5).

Из всех перечисленных вещей наибольший интерес, безусловно, представляют керамические сосуды.

Два из них – гончарные чаши с высоким прямым бортиком и коническим туловом на низком кольцевом поддоне; к бортику прикреплены две горизонтальные резко изогнутые ручки. Глина, из которой сформованы сосуды, серая с включением белесых примесей, вся внутренняя и, частично, внешняя поверхность покрыты жидким лаком черного цвета. Размеры изделия из погребения 2: высота 7,8 см, диаметр венчика 19 см, диаметр поддона 7,4 см (рис.1,6). Размеры сосуда из погребения 7: высота 7,8 см, диаметр венчика 18,7 см, диаметр поддона 7 см (рис.2,4).

Два других сосуда – гончарные кубки с округлым туловом на низком кольцевом поддоне, с двумя вертикальными ленточными ручками; высокий плавно загнутый внутрь бортик отделен от тулова резким перехватом, подчеркнутым двумя врезными линиями. Глина сосудов плотная серая, большая часть тулова покрыта лаком графитного цвета. Размеры кубка из погребения 2: высота 8 см, диаметр венчика 7,8 см, диаметр поддона 4,4 см (рис. 1,4). Размеры экземпляра из погребения 7: высота 8,4 см, диаметр венчика 8 см, диаметр поддона 3,8 см (рис. 2,2).

Краснолаковый кувшин из погребения 2 представлен лишь во фрагментах, однако сохранившиеся части позволяют восстановить его форму почти полностью. Это аккуратно оформленный сосуд с высоким, чуть расширяющимся кверху горлом, украшенным двумя рядами врезных линий, и резко выделенным венчиком, имеющим вид уплощенного валика; придонная часть приземистого тулова не сохранилась; уплощенная профилированная ручка, по-видимому, была изогнута под прямым углом. Глина коричневато-оранжевая без видимых примесей; лак матовый темно-красного цвета. Реконструируемая высота сосуда около 20 см, диаметр венчика 10 см, максимальный диаметр тулова 16,5 см (рис. 1,3).

Красноглиняный кувшин из погребения 7 имеет грушевидное тулово с широким невыделенным коническим горлом, подчеркнутым двумя врезными линиями. Массивный отогнутый наружу венчик профилирован тремя валиками. Плоское дно сосуда оформлено в виде невысокого круглого поддона. Уплощенная вертикальная ручка верхним краем прикреплена к венчику, а нижним – к центральной части тулова; место ее перегиба украшено рельефным налепом, отдаленно напоминающим фигурное навершие. Глина кувшина красновато-кирпичная без видимых примесей; внешняя поверхность покрыта коричневатым ангобом. Размеры сосуда: высота – 17,8 см, диаметр венчика – 8,6 см, диаметр поддона – 6,8 см (рис. 2,1).

Аналогов первым двум образцам – чашам с вертикальным бортиком и резко изогнутыми ручками – среди крымских древностей позднеэллинистического времени известно достаточно много, однако большинство из них краснолаковые [3, табл. 15,10-13, 16,7; 6, табл. 34,4, 37,2, 52,4, 61,4, 80,9, 126,2; 9, рис. 2,13-20; 11, табл. XIV,9, XXX,4, XXXVI,6, XXXIX,2, XLIII,10; 16, рис. 4,10-13; 17, рис. 19,5; 22, рис. 2,13,14; 15, рис. 8,7; и др.]. Находки сероглиняных образцов, покрытых черным лаком или без него, не столь многочисленны (см., например: [5, табл. 102,10; 6, табл. 139,4; 22, рис. 2,12]). Предлагаемые для них датировки в целом соответствуют хронологическим определениям краснолаковых оригиналов: I в. до н.э. (в основном вторая половина столетия) – начало I в. н.э., допуская бытование отдельных экземпляров в более позднее время [9, с. 280-281; 11, с. 40; 16, с. 164].

Менее многочисленны в Крыму двуручные кубки с высоким плавно загнутым внутрь бортиком. Подобные изделия также известны как в краснолаковом, так и сероглиняном исполнении и происходят из комплексов, датируемых второй половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э. [4, с. 38, рис. 3,10; 16, с. 164, рис. 4,9; 17, с. 14, рис. 19,9].

Краснолаковые кувшины, идентичные публикуемому, встречаются не часто. В. М. Корпусова относит их к типу I,1 своей классификации и датирует I в. до н.э. [11, с. 36, рис. 10,1]. Для определения хронологического положения нашего экземпляра показательны находки очень близкого во всех деталях сосуда в склепке катакомбе 47 некрополя Золотое, где, помимо прочего, находилась скрепленная фибула среднелатенской схемы второй половины I в. до н.э. (11, с. 103, табл. XIII,2; 13, с. 43-45, рис. 19,7), а также аналогичного кувшина в слое завала помещения XXXVI городища Калос Лимен, датируемого первой третью I в. н.э. [22, с. 278, рис. 4,35].

К сожалению, не удалось найти полной аналогии красноглиняному кувшину из погребения 7. По форме и деталям декора он более всего напоминает образцы римской бронзовой посуды позднереспубликанского периода, а именно кувшины типа «Галларате», обычно датируемые в пределах I в. до н.э. [20, с. 165-167, рис. 3-4; 21, с. 56-59, рис. 9, 10,1]. Рассматриваемый керамический образец, возможно, изготовлен в подражание этим изделиям и, соответственно, может быть датирован тем же временем.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОНЦА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
ПЕРИОДА НА ЗАПАДЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

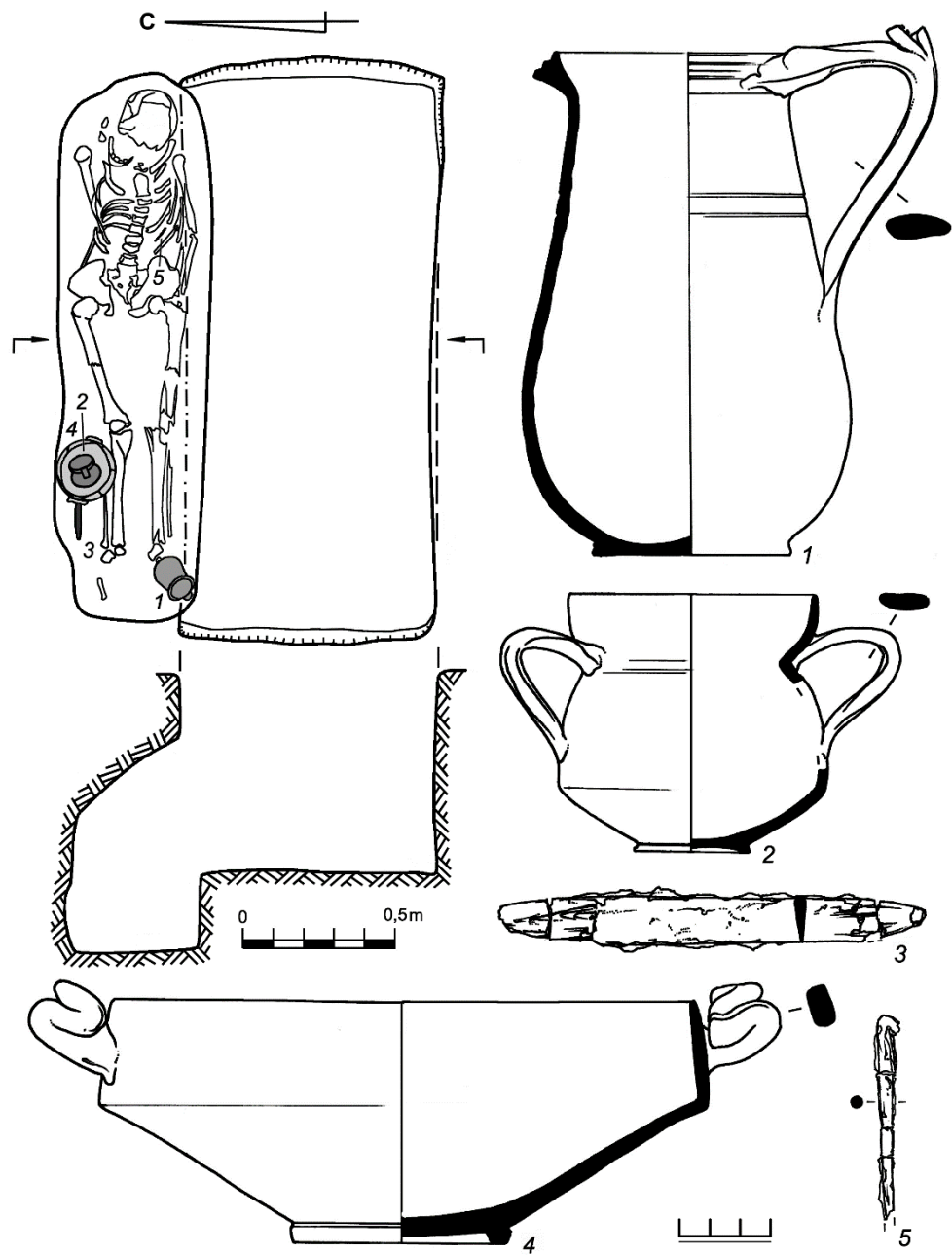

Рис. 2. План и инвентарь погребения 7. 1– красноглиняный кувшин, 2– сероглиняный кубок, 3 – железный нож, 4 – сероглиняная чаша, 5 – железный стержень (игла?).

Гораздо более широкие определения предусматривают найденные в погребении 2 бусы. Первая из них – округлая поперечно-сжатая из глухого бирюзового стекла с восемью сине-белыми глазками (тип 1311) (рис. 1,2а), вторая – округлая поперечно-сжатая из глухого черного стекла (тип 1) (рис. 1,2б), третья – гагатовая коротко цилиндрическая (тип 27) (рис. 1,2в). Для аналогов первого экземпляра – глазчатых бус типа 131 – Е. М. Алексеева предлагает довольно раннюю дату: в основном вторая половина V–IV вв. до н.э., но указывает, что подобные пронизи долго использовались в качестве амулетов [1, с. 72–73]. Аналоги двух других образцов исследовательница датирует очень широко – почти всей античной эпохой [2, с. 14, 62–63].

Найденные в описываемых погребениях ножи и игла(?) (рис. 1,5; 2,3,5) в хронологическом плане и вовсе не информативны, так как сколь либо узких дат не предполагают.

Опираясь на все перечисленные выше определения, рассматриваемые комплексы следовало бы отнести к финальной фазе эллинистического периода – второй половине I в. до н.э. Вместе с тем в нашем случае предложенную датировку можно уточнить с учетом найденной в погребении 2 железной застежки-фибулы (рис.1,1). Последняя, хотя и фрагментирована, тем не менее, уверенно отождествляется как лучковая подвязная фибула I серии варианта 1, основное время бытования которой конец I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. [13, с. 71–72]. Следовательно, дата содержащего ее комплекса никак не может быть определена ранее конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.

Близкое сходство наборов керамической посуды в погребениях 2 и 7, в свою очередь, позволяет допустить и близкое хронологическое положение обоих захоронений.

Оба комплекса, в результате, свидетельствуют о сохранении позднеэллинистических традиций в материальной культуре Боспора, как минимум, до рубежа эр, что уже отмечалось в литературе [18, с. 280; 19, с. 11]. Более того, принимая во внимание, что в Северном Причерноморье римский импорт получает широкое распространение лишь со второй четверти – середины I в. н.э. [13, с. 343], можно допустить продление эпохи эллинизма в регионе вплоть до первой четверти этого столетия. Это предположение, впрочем, касается лишь сферы материальной культуры и никак не затрагивает политическую составляющую жизни боспорского общества.

В заключение хотелось бы особо указать на этнокультурную принадлежность описанных погребений и всего открытого в 2018 г. участка захоронений. Этот некрополь очень близок другим античным погребальным памятникам региона, в первую очередь грунтовым могильникам, расположенным вблизи Казантипского залива и на Караларском побережье (Золотое, Ново-Отрадное, Белинское, Артезиан и др.), которые сходны не только по хронологическому положению, но и по особенностям погребального обряда и инвентаря. Принимая это во внимание, а

¹ Здесь и далее используется типология Е. М. Алексеевой [1; 2].

также учитывая существующие представления об этнической принадлежности перечисленных памятников, публикуемые комплексы, вместе с остальными синхронными захоронениями исследованного участка, все всяких сомнений, следует связывать с греками-боспорянами, широко расселившимися в этой части Керченского полуострова к концу I в. до н.э.

Таким образом, рассмотренные комплексы не только предоставляют хорошо датированный материал для разработки хронологии северопричерноморских древностей периода позднего эллинизма, демонстрируя сохранение эллинистических традиций на Боспоре, как минимум, до рубежа нашей эры, но и дают дополнительные данные для реконструкции этнического состава населения западной части Боспорского царства этого времени.

Список использованных источников и литературы

1. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. – Вып. Г1-12. – М.: Наука, 1975. – 120 с.
Alekseeva E. M. Antichnye bussy Severnogo Prichernomoria // Svod arkheologicheskikh istochnikov. – Вып. G1-12. – М.: Наука, 1975. – 120 s.
2. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // Свод археологических источников. – Вып. Г1-12. – М.: Наука, 1978. 124 с.
Alekseeva E. M. Antichnye bussy Severnogo Prichernomoria // Svod arkheologicheskikh istochnikov. – Вып. G1-12. – М.: Наука, 1978. – 120 s.
3. Арсеньева Т. М. Могильник у дер. Ново-Отрадное // Материалы и исследования по археологии СССР. – 1970. – № 170. – С. 82–149.
Arsen'eva T. M. Mogil'nik u der. Novo-Otradnoe // Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR. – 1970. – № 170. – С. 82–149.
4. Бейлин Д. В. К изучению хронологии укрепленной усадьбы I в. до н.э. на поселении Бондаренково III // XV Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы хронологии. Материалы международной научной конференции. – Симферополь; Керчь, 2014. – С. 34–42.
Bejlin D. V. K izucheniju hronologii ukreplenoj usad'by I veka do n.e. na poselenii Bondarenkovo III // XV Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarsrij mir v period antichnosti i srednevekovja. Aktual'nye problemy arheologii. Materialy mezdunarodnoj konferentsii. – Simferopol; Kerch, 2014. – S. 34–42.
5. Грач Н. Л. Некрополь Нимфея. – СПб.: Наука, 1999. – 328 с.
Grach N. L. Nekropol Nimfeja. – SPb.: Nauka, 1999. – 328 s.
6. Дашевская О. Д. Некрополь Беляуса. Симферополь: ЧП «Предприятие Феникс», 2014. – 284 с.
Dashevskaya O. D. Belyausskij mogilnik. – Simferopol: ChP «Predpriyatie Feniks», 2014. – 284 s.
7. Домжальски К., Журавлев Д. В. Боспорская сигиллата // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы IV Боспорских чтений. Керчь, 2003. – С. 89–92.
Domzalski K., Zhuravlev D. V. Bosporskaya sigillata // Bospor Kimmerijskij i varvarsrij mir v period antichnosti i srednevekovja. Materialy IV Bosporskikh chtenij. – Kerch, 2003. – S. 89–92.
8. Журавлев Д. В. О керамическом производстве на Боспоре в позднеэллинистическое время // Antiquitas Aeterna. – Казань – Нижний Новгород – Саратов: Отечество, 2005. – С. 235–254.
Zhuravlev D.V. O keramicheskom proizvodstve na Bospore v pozdneellinisticheskoe vremya // Antiquitas Aeterna. – Kazan – Nizhnyy Novgorod – Saratov: Otechestvo, 2005. – S. 235–254.
9. Журавлев Д. В. О некоторых категориях позднеэллинистической краснолаковой керамики городища «Чайка» // Материалы исследований городища «Чайка» в Северо-Западном Крыму. – М.: МГУ, 2007. – С. 275–312.

Zhuravlev D.V. O nekotorykh kategoriakh pozdneellinisticheskoy krasnolakovoy keramiki gorodischa «Chajka» // *Materialy issledovaniy gorodischa «Chajka» v Severo-Zapadnom Krymu*. – М.: MGU, 2007. – S. 275–312.

10. Колтухов С. Г., Кропотов В. В. Раскопки курганов в Крымском Приазовье // *История и археология Крыма*. – 2019. – Вып. XI. – С. 153–154.

Koltukhov S. G., Kropotov V. V. Raskopki kurganov v Krymskom Priazov'e // *Istoriya i arkheologiya Kryma*. – 2019. – Вып. XI. – С. 153–154.

11. Корпусова В. Н. Некрополь Золотое. – Киев: Наукова думка, 1983. – 184 с.

Korpusova V. N. Nekropol' Zolotoe. – Kiev: Naukova dumka, 1983. – 184 s.

12. Кошеленко Г. А. Религия и культура // *Античное наследие Кубани*. – Т. II. – М.: Наука, 2010. – С. 417–454.

Koshelenko G. A. Religiya i kultura // *Antichnoe nasledie Kubani*. – Т. II. – М.: Nauka, 2010. – С. 417–454.

13. Кропотов В. В. Фибулы сарматской эпохи. – Киев: ИД «АДЕФ-Украина», 2010. – 384 с.

Kropotov V. V. Fibuly sarmatskoj epokhi. – Kiev: ID «ADEF-Ukraina», 2010. – 384 s.

14. Кропотов В. В., Колтухов С. Г. Новый некрополь античного времени в Крымском Приазовье // *XX Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Основные итоги и перспективы исследований: матер. Междунар. науч. конф. – Симферополь-Керчь, 2019*. – С. 327–330.

Kropotov V. V., Koltukhov S. G. Novyj nekropol antichnogo vremeni v Krymskom Priazov'e // *XX Bosporskie chteniya. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekovja. Osnovnye itogi i perspektivy issledovaniy. Materialy mezhdunarodnoj konferentsii*. – Simferopol-Kerch, 2019. – С. 327–330.

15. Кропотов В. В., Лесков А. М. Курган с «коллективным погребением» у с. Кринички (по материалам работ 1957 г.) // *Культура народов Причерноморья*. – 2006. – № 84. – С. 25–39.

Kropotov V. V., Leskov A. M. Kurgan s «kollektivnym pogrebeniem» u s. Krinichki (po materialam rabot 1957 g.) // *Kultura narodov Prichernomor'ya*. – 2006. – № 84. – С. 25–39.

16. Ланцов С. Б., Труфанов А. А. Столовая посуда с лаковым покрытием из Кутлакской крепости // *Древности Боспора*. – 1999. – Т. 2. – С. 161–173.

Lantsov S. B., Trufanov A. A. Stolovaya posuda s lakovym pokrytiem iz Kutlakskoj kreposti // *Drevnosti Bospora*. – 1999. – Т. 2. – С. 161–173/

17. Масленников А. А. Каменные ящики Восточного Крыма (к истории сельского населения Европейского Боспора в VI – I вв. до н.э.) // *Боспорский сборник*. – 1995. – Вып. 8. – 124 с.

Maslennikov A. A. Kamennye yaschiki Vostochnogo Kryma (k istorii sel'skogo naseleniya Bospora v VI – I vv. do n.e.) // *Bosporskij sbornik*. – 1995. – Вып. 8. – 124 s.

18. Медведев А. П. О начале римской эпохи в культуре Фанагории // *VI Международная Кубанская археологическая конференция. Материалы конференции*. – Краснодар, 2013. – С. 278–281.

Medvedev A. P. O nachale rimskoj epokhi v kulture Fanagorii // *VI Mezhdunarodnaya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya. Materialy konferentsii*. – Краснодар, 2013. – С. 278–281.

19. Медведев А. П. О хронологии эллинистических погребений Фанагории (по материалам раскопок Восточного некрополя 2005–2007 гг.) // *Вестник ВГУ. Серия: «История, политология, социология»*. – 2014. – № 1. – С. 3–13.

Medvedev A. P. O khronologii ellinisticheskikh pogrebenij Fanagorii (po materialam raskopok Vostochnogo nekropolya 2005–2007 gg.) // *Vestnik VGU. Seriya: «Istoriya, politologiya, sotsiologiya»*. – 2014. – № 1. – С. 3–13.

20. Раев Б. А. Бронзовая посуда эпохи позднего латена в Сарматии // *Античный мир и археология*. – Вып. 9. – Саратов, 1993. – С. 160–175.

Raev B. A. Bronzovaya posuda epokhi pozdnego latena v Sarmatii // *Antichnyj mir i arkheologiya*. – Вып. 9. – Саратов, 1993. – С. 160–175.

21. Трейстер М. Ю. Бронзовые сосуды позднереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии // *Проблемы истории, филологии, культуры*. – 2020. – № 4(70). – С. 41–109.

**ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ КОНЦА ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО
ПЕРИОДА НА ЗАПАДЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА**

Trejster M. Ju. Bronzovye sosudy pozdnerespublikanskogo vremeni iz pogrebenij kochevnikov Aziatskoj Sarmatii // Problemy istorii, filologii, kultury. – 2020. – № 4(70). – S.41–109.

22. Уженцев В.Б., Труфанов А.А. Краснолаковая керамика из Калос Лимена // Херсонесский сборник. – 2004. – Вып. XIII. – С. 265–284.

Uzhentsev V.B., Trufanov A.A. Krasnolakovaya keramika iz Kalos Limena // Khersonesskij sbornik. – 2004. – Вып. XIII. – С. 265–284.

23. Domzalski K. Terra Sigillata from Nymphaion. Survey 1994 // Archeologia (Warsaw). – 1996. – Vol. 47. – P.95–109.

Kropotov V. V. Funerary complexes of the end of the Hellenistic period in the west of the Bosporan kingdom

The work publishes the results of a study of two ancient burial complexes discovered in 2018 during the study of the kurgan 3 of the group «Chistopolye-Severnoe» near the village. Chistopolye, Leninsky district, Republic of Crimea. The objects represent individual burials of a child and an adult, one made in a simple sub-rectangular grave in plan, the other in a trench-type burial structure. Among the accompanying grave goods were similar sets of Bosporan tableware from the late Hellenistic period, suggesting a close chronological position of both burials. These objects, along with an iron fibula found in one of the graves, allow us to date the complexes to the end of the 1st century. BC. – beginning of the 1st century AD The presented material thus demonstrates the preservation of Hellenistic traditions in the material culture of the Bosphorus, at least until the turn of new era and, at the same time, provides the basis for developing the chronology of Bosporan antiquities of the end of the Hellenistic period.

Keywords: Eastern Crimea, European Bosphorus, burials, chronology, ancient ceramics, fibulae, Late Hellenism